

УДК 947.084

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ 1945–1991 гг.**

© 2010 г.

Е.А. Третьяченко

Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара

treelena@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.03.2010

Образ Советской России 1945–1991 гг., как негативный, так и позитивный, играл немаловажную роль в политических дискуссиях Америки. В связи с этим будет целесообразно рассмотреть произведения американских публицистов о Советской России с точки зрения того, как в них преломляется образ России, как её видела другая культура, как формировались те или иные стереотипы.

Ключевые слова: образ, взаимоотношения, общество, недоверие, симпатии, стереотипы, культурное взаимодействие.

Изучение представлений американской общественности о Советском Союзе, то есть изучение его имиджа, представляет собой важный аспект в осмыслении российско-американских отношений. Проблема «я» и «другой», «свой» и «чужой» – одна из ключевых в философии, социологии, психологии, культурологии и истории.

В настоящее время проблема восприятия образа «другого» в разных культурных традициях и в разные исторические периоды всё чаще привлекает внимание отечественных исследователей. В условиях всё более углубляющегося кризиса Востока – Запада многие пытаются найти образ «чужого-врага» в иных народах и культурах, и проблема приобретает важный нравственный оттенок. Исследование образа «чужого» в культуре предполагает изучение стереотипов, клише и предрассудков национального сознания, объяснение происхождения этих стереотипов, анализ механизма превращения образа «чужого» в образ врага. В современных условиях, когда проблема взаимопонимания стоит чрезвычайно остро, необходимо чётко знать распространённые стереотипные представления одних народов о других, что облегчает процесс общения, даёт возможность «познать себя», а также другие народы.

Высказывания о Советской России, содержащиеся в американской публицистике XX века, в целом обнаруживают качества стереотипов. Упрощённое и во многом обобщённое восприятие связано с сильно поляризованным и эмоционально ангажированным процессом формирования мнений, а также с высокой сте-

пенью распространения одних и тех же основных стереотипов при описании советской действительности. Произведения с этой точки зрения анализируются с учётом многих фактов. Необходимо выяснить, как они соотносились с реальностью России. Под влиянием каких идеологических предпосылок и установок возникали те или иные представления о Советской России.

Глобальное противостояние двух идеологий не прекращалась с 1917 года, однако именно после Второй мировой войны оно проявилось в наибольшей степени. Результаты войны, сами по себе не имеющие к идеологии ни малейшего отношения, вывели идеологию на передний план.

Термин «холодная» война отразил разрыв отношений между временными союзниками – Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Право стран Восточной Европы на национальное самоопределение, которое получило поддержку Америки, столкнулось с интересами советской безопасности – так кратко определил основную проблему эпохи противостояния СССР и США, а вернее, всего западного мира американский журнал, претендующий на объективность даже своим названием «Чистая правда» в июльском номере 1990 года [1].

В этот период наши американисты, литературоведы, историки, да и писатели обеих держав, оказались заложниками политики. Холод той эпохи сковывал литературу и искусство. Но таким было требование времени и предписание верхов, обязательное как для литературоведов, так и для писателей обеих стран. Однако люди, не желающие быть послушными

марионетками властей предрешающих и всеми силами старающиеся сохранить право на независимость суждений и собственное мнение, бы- ли и будут всегда.

Именно на время активного подогревания взаимной неприязни пришлось годы работы в СССР американского профессора Фредерика Баргхорна, который как нельзя лучше продемонстрировал глубокий анализ и стремление добраться до истины, основанные на «взгляде изнутри».

В течение четырех лет, с 1942 по 1947 год, Баргхорн собирал материал для своей книги «Советский образ Соединенных Штатов» (*The Soviet Image of the United States*, 1951). Задача, которую он поставил в книге, – «помочь американцам представить картину их собственной жизни, которая внушается русскому народу советской пропагандой» [2].

Баргхорн пытался разобраться в результативности советской пропаганды, выяснить истинное отношение к США простого народа и официальных кругов, а также донести до американского правительства, что одной из главных задач внешней политики страны должно стать стремление рассказать русским людям, что «Америка сможет дать им надежду на мир, достаток и человеческое достоинство, в отличие от Кремля» [2, xii].

Американский профессор тщательно анализирует подачу материала советскими СМИ и приходит к выводу, что с их помощью массы можно было заставить поверить во все, что захочет советское правительство в отношении политики иностранных государств. За время, проведенное в Советской России, он пришел к неутешительному выводу, что «Кремлю удалось сделать из русских людей роботов» [2, xi].

С нарастанием «холодной войны» ситуация в советско-американских отношениях менялась в худшую сторону. Были запрещены любые контакты советского народа с американскими журналистами, деятелями культуры и науки. Единственным источником информации стали государственные газеты и радио. Степень закрытости советского общества постепенно ещё более возрастала. Ф. Баргхорн констатирует тот факт, что советское правительство сокращало поток информации об Америке и издание американской литературы, кроме той, которая соответствовала советской политической линии, но и ещё более жестко устраняло любые личные контакты. Официальная пропаганда, независимо от того, как оценивалась её достоверность, оставалась для большинства населения основным источником сведений о внешнем мире.

Образ Америки, созданный советской пропагандой, по мнению американского профессора, был больше похож на жуткую фантазию Дж. Оруэлла из «1984» [2, с. 277].

Совпадающими методами вели жёсткую борьбу с «коммунистическим влиянием» и «засильем коммунистов в правительстве» в общественных и культурных организациях страны и официальные власти США.

Несомненной заслугой исследования Ф. Баргхорна является его аналитический аспект, стремление дать объяснение тем или иным процессам, происходящим в стране. На противостояние Америки и России он пытается взглянуть как на неизбежное последствие Второй мировой войны. После исключения Германии и Японии из списка великих держав, ослабления Франции и Британии Америка одна оставалась соперником СССР на мировой арене. И в то же время американский исследователь сомневался в намерении России развязывать широкомасштабную схватку с США.

В конце своей книги Баргхорн указывает американскому правительству на необходимость политического и идеологического диалога между двумя странами и новыми демократиями. Одновременно с этим он рекомендует США укреплять связи с членами неформальных сообществ и пытаться донести до людей, что возможность достижения достойного уровня жизни и решения своих проблем в большем объёме возможно в свободном обществе, а не при тотальной заорганизованности.

Исследования Баргхорна, безусловно, носили идеологизированный, тенденциозный характер. Отражение тех элементов общественной жизни и сознания советского народа, которые были связаны с восприятием США, в интерпретации американского профессора имели часто искаженный, примитивизированный вид. Но подобный подход был обоюдным, со стороны как США, так и СССР. Время для взвешенного анализа советско-американских отношений тогда ещё не пришло.

В 1947 году после возвращения из поездки по СССР известный американский писатель Д. Стейнбек пишет книгу репортажей «Русский дневник», которая вышла в США в 1948 в разгар «холодной войны», а в России была опубликована в 1990-м.

Вместе с фотографом Робертом Капой Дж. Стейнбек побывали в Москве, Сталинграде, Грузии, Украине. «Русский дневник» Стейнбека – пример честной журналистики, попытки создать объективную, пусть и очень личную картину послевоенной жизни. Стейнбек сумел из-

бежать политической зашоренности и идеологической заданности.

Отойдя от политизированного подхода к осещению жизни Советского Союза, Д. Стейнбек обращает внимание на перемены в нашей стране в послевоенный период, на тягу русского народа и особенно творческой интеллигенции и молодежи к культурным достижениям Запада, на роль ВОКСа в расширении культурных контактов, что было особенно важно в условиях существования «железного занавеса». В конце 40-х годов уже нельзя было сказать словами А. Жида, что «советский гражданин пребывает в полнейшем неведении относительно заграницы» [3]. И эту перемену отразил Д. Стейнбек.

Первое же, с чем встречается американский журналист, – это коммерческий ресторан в «Метрополе» с ценами намного выше обычных и непривычной для американцев медлительностью официантов. Прогуливаясь по Москве, писатель отмечает заметную чистоту улиц, хорошее состояние дорог, повсеместное широко-масштабное строительство и бурную подготовку Москвы к празднованию 800-летия, однако его удивляют усталые и не улыбающиеся лица москвичей.

Особое место Стейнбек отводит культу Сталина, который был абсолютно чужд и непонятен американскому писателю, его вездесущность и тотальность в то время занимала умы большинства иностранцев: «Одной из самых могучих индустрий в Советском Союзе является, несомненно, рисование и лепка, отливка, ковка и вышивание изображений Сталина. Он везде, он все видит» [4].

Жизнь в колхозах произвела благоприятное впечатление на Стейнбека, она шла вразрез с его ранними представлениями о жизни колхозников в бараках, их крайней нищете и страданиях. В колхозе имени Шевченко его встретили новые комфортные дома с садами и огородами, чистота и уют, украинское гостеприимство, но бросались в глаза нехватка уборочной техники и молодых мужчин.

Во время своего путешествия по стране, Стейнбеку приходилось отвечать на множество вопросов, касающихся как быта американцев, так и их политической просвещенности, взглядов и настроений. Однако вскоре он заметил, что все вопросы, как политические, так и литературные, исходят из одного-единственного источника – из статей газеты «Правда» и уже мог предвосхищать вопросы, «потому что почти наизусть знал статьи, на которых эти вопросы основывались» [4, с. 74].

Отражая пороки советской системы, «Русский дневник» одновременно способствовал и разрушению «образа врага» в лице России для западного мира. В конце «Русского дневника» Д. Стейнбек подводит итоги поездки и с удовлетворением заявляет, что то, ради чего она предпринималась, достигнуто. Он увидел, что русские люди – такие же люди, как и все остальные. Они ненавидят войну, и их стремления ничем не отличаются от стремлений всех людей, живущих на земле, – они хотят хорошо и с удобствами жить, в безопасности и мире. Книга заканчивается на оптимистической ноте словами: «Безусловно, найдутся среди них (русских. – Е.Т.) плохие, но хороших намного больше» [4, с. 143]. Столь относительно беспристрастный взгляд иностранца на советскую действительность конца 40-х годов представлял огромный интерес как для литературоведов и исследователей того времени, так и для обычных людей – заложников идеологической борьбы. К сожалению, русский читатель смог познакомиться с этим произведением лишь через много лет после его написания.

В огромной степени повлияв на состояние международных отношений, по крайней мере в течение сорока лет, феномен «холодной войны» оставил неизгладимый отпечаток не только на их внешней стороне, но и глубоко отразился на самой сущности мирового и национального развития этих лет, затронув политические, социально-экономические и даже психологические аспекты жизни многих народов и континентов мира.

Долгое время американцы смотрели на Страну Советов преимущественно глазами оппонентов советского строя, и она представлялась им зловещей «империей зла». Однако действительность не может навсегда оставаться одномерной и статичной. Постепенно под влиянием «нового мышления» граждане США стали освобождаться от устоявшихся стереотипов. На первый план начал выступать трезвый научный анализ советской реальности во всем ее многообразии, стремление к диалогу, к взаимовыгодному сотрудничеству в условиях мирного сосуществования.

Эпоха «развитого социализма», когда советское государство вроде бы являло миру образец стабильности и процветания и, как тогда казалось, нерушимое единство партии и народа, стали объектом пристального наблюдения зарубежных писателей и исследователей того времени. Взгляд иностранца позволял заметить кажущиеся на первый взгляд незначительные

вещи и дать свою оценку, без прикрас и довлеющих стереотипов.

Х. Смит был одним из американских журналистов, усмотревшим корни распада советской страны за внешним благополучием и давшим свой прогноз. Книга английского писателя Р. Миллера «Русские как народ», вышедшая в 1960-х годах, подтолкнула Х. Смита к созданию произведения с аналогичным названием «Русские» (1976).

Политические события, частная жизнь простого народа и высших кругов власти, национальные особенности – все это оказывается в центре критического взгляда Х. Смита. Эти наблюдения представляют интерес как для научных, так и для широких читательских кругов, ибо дают представление о причинах, приведших коммунистическую систему и советский режим к экономическому и идеологическому краху. Особый интерес вызывают замечания Смита о русском народе и его национальном характере.

Первое, что бросается в глаза Х. Смицу, это совершенно иной народ. Это уже не те бойцы, полные энтузиазма и решимости времен Рида и Вильямса. То же касается и вождей советской страны, ничем не похожих на своих великих предшественников – В.И. Ленина и И.В. Сталина.

В России он становится свидетелем двух России – «официальной России, России политического контроля и газеты «Правда», препятствующей несанкционированным контактам с иностранцами», и противоположной России – «более человечной, импульсивной, эмоциональной и непредсказуемой» [5].

Живя в Москве, Х. Смит все более сомневается, не являются ли исключения правилом в России. Он обнаружил, что, несмотря на атмосферу воинствующего атеизма, в стране вдвое больше верующих, чем обладателей партийных билетов; что в обществе, где провозглашен культ государственной собственности, больше половины жилой площади находится в частном владении; что через шесть десятилетий после падения царизма резко возрос интерес к России царского времени и ее материальной культуре; что, несмотря на навязанный сверху конформизм, многие вообще безразличны к политике и в узком кругу посмеиваются над громогласными заявлениями коммунистической пропаганды; что в СССР – стране пролетариата люди значительно более, чем на Западе, чувствительны к занимаемому положению и месту на иерархической лестнице.

Общество, кажушееся единым, устойчивым и равноправным, на самом деле скрывает привилегированное меньшинство и бесправное большинство. «Я перестал верить в миф о бесклассовом обществе еще до приезда в Россию, и все же в начале моего пребывания в этой стране меня ошеломили разговоры русских о богатых коммунистах и даже о коммунистах-миллионерах» [5, с. 21].

Х. Смит знакомится с жизнью «привилегированного класса» или «номенклатурных аппаратчиков», наблюдая за вереницей лимузинов с номерами ЦК, Моссовета, пока их хозяева получали деликатесы по «смешным» ценам в «закрытом» для простого народа магазине-распределителе на ул. Грановского. Внимание Смита привлекла мемориальная доска на входе: «В этом здании 19 апреля 1919 года В.И. Ленин выступал с напутственным словом перед красногвардейцами». Злой иронией веет от этого сопоставления советской реальности «развитого социализма» и высоких идеалов, провозглашенных В.И. Лениным. Эти расхождения между идеалами революции и реалиями социалистической системы не ускользают от взгляда американского журналиста.

Слишком большой разрыв между верхами и низами, по словам Х. Смита, в конечном итоге приведет к революционной развязке. Он пишет, что в России назрела революционная ситуация, при которой вся экономическая и политическая власть сосредоточена в руках меньшинства, а разрыв между уровнем жизни общей массы и кучки избранных увеличивается всё больше, или, говоря словами Ленина, низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому. Основа разрушения коммунистического режима лежит в середине 1970-х годов, а главное – в этом виновны сами коммунистические лидеры.

Скрытая жизнь партийно-советской элиты представляла несомненный интерес для западного читателя, но именно Россия и её великий народ – русские стоят в центре внимания американского журналиста. Западного гостя сначала насторожила неприветливость и хмурость лиц прохожих, отсутствие улыбок на улицах и в общественных местах, излишняя скованность в проявлении эмоций.

Пытаясь ответить на вопрос «Становится ли Россия похожа на Запад?», он замечает: «Чем дольше я жил в Москве, тем меньше я думал, насколько коммунистической стала Россия. Но я все больше убеждался, насколько эта страна осталась русской» [5, с. 612].

Большевизм не изменил коренным образом русское общество, не считая некоторых перемен. Все атрибуты царского правления нашли воплощение в коммунистическом строе. По его мнению, на смену царям – помазанникам божьим – пришли коммунистические вожди. Если народные шествия сопровождалась выносом икон, то теперь русские во время демонстраций несут портреты членов Политбюро. Тирания царя сменилась диктатом коммунистических лидеров.

Проводя исторические параллели, Х. Смит убеждает западных читателей, что Россия и ее народ не изменились. Книга заканчивается словами: «Ничего нового. То же самое было при царях. Народ остался прежним» [5, с. 617].

Х. Смит не придал значения тому, что, несмотря на прежние бытовые стороны русского народа: его привычки, традиции и пристрастия; его менталитет, идеология, – отношение к власти изменилось коренным образом. Исчезло её обожествление, появилось стремление к духовности и материальной независимости. Трудно представить, что американский журналист не заметил этих перемен. Но заключительная глава свидетельствует о его нежелании обозначить тягу русского общества к изменениям. Одна из причин такого вывода – это неспособность автора освободиться от сложившихся стереотипов и штампов, хотя мы явно чувствуем его симпатию к русскому народу.

Х. Смит обошел вниманием наметившиеся тенденции к переменам и в заключении он не признает русских полноправным партнером Запада по мировому сообществу цивилизованных наций, он остановился на уже сложившемся представлении о России как чуждой Западу по духу и культуре.

Книга представляла собой большой интерес даже для западного читателя, хотя автор не смог быть полностью основательным в своих выводах, а также не смог увидеть зачатки тех изменений, которые произойдут в 80-х, 90-х годах и приведут к глобальным переменам как в российском обществе, так и в мире.

Попытка взглянуть на Советскую Россию глазами американцев позволяет глубже понять, а иногда и переоценить явления советской действительности, способствуя тем самым решению проблемы литературных связей. Человек склонен к самообману, и поэтому он с готовностью воспринимает предложенный ему образ. В течение десятилетий советский народ верил в отталкивающий образ «акул капитализма» и

«развращенный портрет» Америки, а американцы – в Россию как «империю зла». И разрушению этих стереотипов служили писатели, которые в своих произведениях создавали «свой» образ чужих стран и народов. Но они же совместно с журналистами (более ангажированными, поскольку в большей степени руководствуются сиюминутными интересами) создавали эти негативные стереотипы, формируя образ другой страны со знаком минус. Так в каждом художественном образе проступает авторский взгляд на изображаемый объект, когда искренний, а когда и заданный.

Россия и США постоянно находились в тесном взаимодействии, имея множество точек соприкосновения и общих проблем. В современной обстановке критический анализ прошлого опыта, не основанный на идеологических приоритетах, позволяет находить лучшие способы балансирования национальных интересов, налаживания сотрудничества в различных сферах. Культурные связи между двумя странами, всегда и при любых лидерах рассматриваются как составная часть процесса нормализации межгосударственных отношений.

Изучение образа России определяется не столько политической конъюнктурой, сколько потребностью преодолеть схематизм и диверсифицировать зачастую шаблонные представления об образе России – огромной многонациональной страны.

Таким образом, задача объективного изучения советско-американских отношений не теряет своей значимости при критическом переосмыслении политизированных мнений американских писателей и журналистов на страницах своих произведений, раскрывавших образ Советской России 1945–1991 гг.

Список литературы

1. Eagle and bear // Plain truth. 1990. July 8. P. 8.
2. Barghoorn Frederick Charles. The Soviet image of the United States; a study in distortion. New York, Harcourt, Brace, 1950: xviii, 297 p. 21 cm.
3. Плутник А.У. Анатомия таких разных убеждений // Два взгляда из-за рубежа. М.: Политиздат, 1990.
4. Стейнбек Джон. Русский дневник: пер. с англ. Предисл. Л. Жуховицкого. М.: Мысль, 1989 (1990). 142 с.
5. Smith Hedrick. The Russians. New York: Quadrangle/New York Times Book Co., c1976. xi, 527 p.; 24 cm.

**THE IMAGE OF SOVIET RUSSIA AND CULTURAL INTERACTION IN THE WORKS
OF AMERICAN WRITERS AND PUBLICISTS 1945–1991**

E.A. Tretyachenko

The image of Soviet Russia 1945–1991 both negative and positive played a significant role in the development of cultural contacts between Russia and the USA. Thus it is worth while to analyze American publicism devoted to the Soviet theme from the point of view of inevitable distortions of Russian image, the way the other culture perceived and transformed the images into forms of various stereotypes, some of which are well preserved till nowadays influencing public opinion as well as the character of political, economical and cultural interrelations.

Keywords: image, relations, society, distrust, sympathy, stereotypes, cultural interaction.